2-й экз.

НА ПУТЯХ К НОВОЙ ШКОЛЕ

ОРГАН

НАУЧНО - ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧЕНОГО СОВЕТА

БИБЛИОТЕКА
Институт Красн. Профес
Инв. № 479

ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

№ 10 — 12

ОКТЯБРЬ

1927

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ"
МОСКВА

Р

В этой же своей речи Владимир Ильич, говоря о необходимости тесной связи школы с политикой, прибавляет: «Конечно, дело перестройки школы—дело трудное. И, конечно, тут бывали и сейчас наблюдаются ошибки и попытки принцип связи школы с политикой перетолковать и извратить в грубый и уродливый смысл, как пытаются внести эту политику в умы еще молодого подрастающего поколения, которому следует подготовиться. И несомненно, что с этим грубым применением основного принципа нам всегда придется бороться».

Что имел тут в виду Владимир Ильич? Из других его речей ясно, что под извращением принципа связи школы с политикой он имел в виду превращение коммунистического по своему духу воспитания в новую учебу, когда ребят заставляют заучивать и повторять вещи, которые им непонятны, когда не связывают учение с общественной работой, когда не учат ребят жить и работать сообща, помогая во всем друг другу, когда коммунизм превращают во что-то, ничего общего с настоящим живым коммунизмом не имеющее.

Без малого девять лет прошло со времени этой речи Владимира Ильича. Просвещенцы давно уже стоят на платформе советской власти, стремятся воспитывать молодежь в духе ленинизма, готовят новое поколение, которому выпадет на долю дело Ленина довести до конца. Цели перед просвещенцами стоят громадные и по своему значению, и по своей глубине, и по своему охвату. Ленин учил нас с доверием относиться к просвещенцу.

Просвещенец все тверже будет держать знамя Ленина, выше поднимать его.

Н. Крупская.

КАК МЫ ЗАНЯЛИ МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Завоевание Зимнего дворца далеко еще не дало нам всей полноты власти. Министры были арестованы, но в министерствах сидели разозленные чиновники, которые ни за что не хотели работать с нами и способны были даже на самые скандальные формы сопротивления внедрению нашему в соответственные правительственные учреждения.

Я помню, как на одном из первых Советов народных комиссаров Ленин сказал: надо, чтобы каждый ехал в порученное ему бывшее министерство, завладел им и живым оттуда не уходил, если будут посягать на то, чтобы вырвать у него порученную ему часть власти.

Это была довольно прямая директива, и тем не менее в течение некоторого времени, приблизительно в 8—9 дней, мы не решались отправиться в министерство народного просвещения.

Хотелось сговориться по-хорошему хотя бы с некоторой частью его аппарата. Ведь жутко же было: надо управлять народным просвещением гигантской страны, а чиновников-то никаких и нет!

Коллегию я, правда, создал и провел через Совнарком тотчас же после того, как мне поручен был Наркомпрос. В эту коллегию входили Л. Р. и В. Р. Менжинские, Н. К. Крупская, П. И. Лебедев-Полянский, т. Познер, покойный Калинин, т. Лазуркина, покойная В. М. Бонч-Бруевич и Рогальский. Кажется, это были все, кто был в самом первом составе коллегии. Секретарем этой коллегии был мой старый приятель и старый член партии Д. И. Лещенко. Он-то и раздобыл откуда-то левого эс-эра Бакрылова, человека энергичного и распорядительного, через которого мы вели переговоры с чиновниками министерства. Бакрылов кипятился ужасно. Он настаивал на том, что мы попросту должны поехать в министерство, если нужно, прихватить с собою дюжину красноармейцев и начать там править. При этом он заявил, что весь низший персонал, т.-е. курьеры, истопники, дворники и т. д., готов принять нас с криками восторга. Он не скрывал, однако, от нас, что решительно все чиновники—какие-то допотопные архивариусы (и кажется две или три пожилых регистраторши)—решительно заявили, что в тот же момент, когда ненавистный Луначарский переступит порог дворца у Чернышова моста, они уйдут оттуда, отрясая прах от ног своих, и посмотрят, каким образом ему и его невежественным большевикам удастся пустить в ход сложную машину, в течение столетий ведавшую просвещением народов российских, и т. п.

Мне перспектива остаться с моими товарищами по коллегии, окруженными достаточным числом курьеров, истопников и дворников, не улыбалась. Я старался как можно скорее найти новый персонал, который мог бы заменить старый. У нас даже на всех заседаниях коллегии (а заседала она ежедневно) были особые доклады о приглашении квалифицированного персонала.

Увы, квалифицированный персонал не очень шел нам навстречу. Я обратился с особым, одобренным на одном из заседаний тогдашнего ВЦИК'а, обращением к существовавшему во время Керенского рядом с министерством комитету по народному образованию. Я был до Октябрьской революции членом этого комитета, посланным туда от ленинградских рабочих профсоюзов. Мне казалось, что, быть может, некоторая часть этих либеральных и радикальных педагогов согласится работать с нами. Но этого не случилось. При личной встрече председатель этого комитета (теперь скромный, но весьма почтенный сотрудник Наркомпроса) отказался подать мне руку, как врагу отечества. Ответом на мое обращение было, не помню уже, не то презрительное молчание, не то какое-то глухое рычание.

Обратился я также и к учительству с воззванием, от которого, пожалуй, не откажусь и теперь. Думаю, что по тогдашнему времени и с моим подходом к вещам, когда я сразу же старался оставить за нами возможно большее количество квалифицированной интеллигенции, с учителями и надо было разговаривать приблизительно на таком языке. Я даже думаю, что мое воззвание к учителям явилось естественным началом всей той дальнейшей работы по привлечению их, по раз'яснению

им всего значения революции, по заключению с ними глубокого и плодотворного союза, которая протекала потом в течение 10-летия.

Время, однако, шло, и я вынужден был притти к заключению, что Бакрылов был прав. Согласовать большевистскую власть с чиновниками министерства народного просвещения оказалось невозможным. Решено было отправиться на приступ мрачного дома, откуда расходилась паутина высоких царских чиновников-пауков, великих, по выражению Щедрина, министров народного затемнения. Решено было— что же поделаешь!—выгнать оттуда все чиновничьи сонмы, начиная от товарища министра и кончая машинистками, и постараться потом постепенно заполнить образовавшуюся пустоту нашей медленно растущей и, увы, далеко не совершенной коллекцией «квалифицированных сил».

В день, когда постановлен был решительный приступ, Бакрылов, повеселевший и почувствовавший, так сказать, порох в воздухе, бросился впереди нас в министерство и сговорился там с готовой сдаться частью его населения, т.-е. с курьерами и прочими их собратиями. О готовившемся в'езде нашем в Наркомпрос чиновники и чиновницы узнали вс-время и сами вышли из насиженного места, более или менее уверенные, что это не надолго и что одним из факторов предстоящего вскоре крушения власти большевиков явится как раз этот великий их исход из камер и коридоров министерства. Мы приехали на нескольких автомобилях гуськом. От всякого участия воинских сил я наотрез отказался, и вся наша боевая мощь сводилась только к неугомонному Бакрылову. Однако оказалось, что никакого сопротивления нам оказано не было. Наоборот, группа приблизительно в полсотни лиц стала на лестнице у под'езда министерства и довольно шумным «ура» приветствовала наркома и его коллегию. Мы прошли по совершенно пустым комнатам в кабинет министерства и устроили там первое заседание. Я произнес речь моим товарищам и собравшемуся низшему техническому персоналу, а от технического персонала выступил один из старших, по фамилии Монахов, который в довольно прочувствованных и отчетливых выражениях заявил, что и в персонале министерства народного просвещения шла классовая борьба и что они, технические служители и прислуга министерства, чувствуют себя частью пролетариата и с восторгом готовы энергично служить новому начальству, выдвинутому из недр рабочего класса. Монахов не пощадил нескольких крепких слов для того, чтобы послать их вдогонку недавно перед тем ушедшим чиновникам. Во время этого нашего скромного торжества неожиданно в комнату вошел молодой человек с густой бородой, не снявший пальто. В руках он держал шляпу, а лицо его было перекошено от волнения, смешанного с бешенством.

Сей юный муж оказался посланником бежавших чиновников, пришедшим для того, чтобы сообщить мне и моим товарищам, как они негодуют против нас, как они считают нас губителями достославной Февральской революции и как они сетуют и горюют по поводу того, что дело

народного просвещения отныне погибло. Бакрылов в течение его речи неоднократно пытался арестовать его. Но я и моя коллегия были другого мнения. Мы с максимальной вежливостью выслушали этого человека, и я ответил ему, что в случае, если граждане-чиновники передумают, мы готовы принять их обратно на службу, но с величайшим перебором и удалением всех тех лиц, которые покажутся нам неподходящими хотя бы к несению своих общественных обязанностей под строжайшим присмотром и руководством новой власти. Молодой человек энергично заявил, что они никогда не сдадутся, и ушел.

В Наркомпросе началась жизнь, сначала не очень громкая. Заседала коллегия, члены коллегии завладели соответствующими кабинетами, вышел в срок «Журнал министерства народного просвещения», переименованный в «Журнал народного комиссариата по просвещению», начали получаться кое-какие бумаги и телеграммы, большей частью, правда, грустного характера, робко начиналась бюджетная жизнь путем ассигнованных, на основании постановления Совнаркома, некоторых сумм из Госбанка. Я помню, что Рогальский, ведавший у нас финансами, всегда приносил на своем лице печать глубочайшего изумления, когда привозил к нам деньги из банка. Ему все еще казалось, что революция и организация новой власти—какая-то феерия и что под эту феерию настоящих денег получить невозможно. Деньги поступали, но, конечно, в крайне недостаточном количестве. Персонал рос, но сравнительно медленно.

Заняли мы попечительство и начали неуклонно, с величайшей настойчивостью внедряться в учебные заведения, высшие, средние, низшие, в то же время, в другой части коллегия, подготовляла те основные декларации и основные реформы, которые должны были возможно скорее сломать самые ненавистные следы существовавшей до сих пор системы просвещения, а с другой стороны, указать путь развитию школы.

Конечно, многое в первое время было убого, робко, но в то же время это были дни колоссального по своей широте творческого размаха, возможного только благодаря подготовленности и твердости педагогической мысли вдохновительницы Наркомпроса Н. К. Крупской. Даже разделение Наркомпроса на две части, когда после перехода правительства в Москву я остался в Ленинграде, а московской главной частью наркомата ведал мой заместитель тов. Покровский, не приостановило достаточно дружной и достаточно энергичной работы Наркомпроса.

Правда, время многое должно было уточнить, но ошибки должны были совершиться, для того чтобы из всей первоначальной работы вышел, наконец, тот еще несовершенный, но быстро совершенствующийся руководящий аппарат с его разветвленнейшей системой, разбросанной по всей стране, каким является сейчас Наркомпрос. После времени пустоты в рабочих помещениях Наркомпроса пришло время, когда мы разбухли, когда у нас было чуть ли не в 15 раз больше чиновников, чем в министерстве народного просвещения, и сие, быть может, было горше, чем предшествовавшая этому скудость в людях. Но все это было преодо-

лено, правда, с трудом, с проволочками, потому что, оценивая дальнейшую работу родившегося в грозные октябрьские дни Наркомпроса РСФСР, надо всегда помнить не только нашу суб'ективную неподготовленность, не только величайшие трудности, вытекавшие и из положения страны, и из состояния революции, но еще и то, что мы были в значительной степени забытым комиссариатом. Дело организации новой власти, дело организации финансовой и хозяйственной опоры для великой обороны против врага стояло впереди нас. Если кто о нас вспоминал, то это Ленин, дорогой и чуткий вождь, к которому прибегали во всех трудных случаях. Когда приходилось слишком горько, когда казалось, что отсутствие средств денежных и человеческих делает положение отчаянным, я отправлялся жаловаться ему, требовать внимания и помощи, добивался того, чего добиться при тогдашних горьких условиях было можно, а вместе с тем видел его спокойную радостную улыбку и слышал от него какую-нибудь из тех замечательных фраз, которые так и остались у меня в сознании, как написанные золотыми буквами, и которые горят там и теперь, фразу вроде такой, например: «Ничего, Анатолий Васильевич, потерпите, когда-то у нас будет только два громадных наркомата: наркомат хозяйства и наркомат просвещения, которым даже не придется ни в малейшей мере ссориться между собою»

А. Луначарский.

НА ЗАРЕ СОВЕТСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.

(Реформа школы.)

(По личным воспоминаниям.)

Что Октябрьская революция распространила свое действие и на область народного просвещения, это достаточно хорошо всем известно. Нет надобности слишком много слов посвящать развитию того тезиса, что пролетарская власть с первых же дней своего существования не забыла произвести необходимую встряску всей старой системы в деле народного просвещения.

Подобно Парижской коммуне (в другом только масштабе и в другой исторической обстановке) Советское государство прежде всего направило свои усилия к очищению авгиевых конюшен старорежимного просвещенческого уклада путем декретов—достаточно категорических, достаточно решительных и избегающих компромиссной постановки того или иного очередного вопроса по части ломки старого здания. Вместо прежних, сметенных революцией округов с их попечителями, окружными ревизорами, со всеми их бюрократическими придатками в губерниях и уездах положение об организации дела народного образования в Росс. соц. сов. республике устанавливает при Комиссариате народного просвещения сеть отделов и советов народного образования при исполкомах областных, губернских, уездных и волостных. Построен-

КАК МЫ НАЧИНАЛИ РАБОТАТЬ.

(Воспоминания.)

Все произошло бескровно и тихо. Сестра об'явила, что городская дума распущена, что власть находится у нас; то же сделал, кажется, С. П. Середа в земстве. Новая большая работа. Меня назначили зам. губ. комиссии по народному образованию. Нас немного. В первые дни почти пусто. Пришел Малявин и начал говорить о картинах, о желании работать: «Теперь мои картины будут достоянием всех. Надо устроить выставку для народа. Пусть смотрит. Я всегда желал этого. Пусть оценят. Мне давали деньги, но никто не понимал». И, раздражаясь, он говорил: «Едет какая-то расфуфыренная дама и говорит, «смотрите, вон малявинские пейзанки идут». Это в вагоне мне-то. А я думал, ни чорта ты в этом деле, голубушка, не понимаешь. Позовем теперь крестьян, крестьянок, пусть посмотрят, пусть оценят. Поймут». Хитрый, лукавый старик. Но картины спасти надо. Это бесспорно.

Разгромы усадеб продолжаются. Усадьбы горят. И гибнут наличные богатства. Иногда вещи неповторимые. Надо спасти, что возможно, спасти. И движутся к нам длинной лентой крестьянские подводы, нагруженные книгами, картинами, коллекциями. Прислал телеграмму А. А. Колениченко: «Спасайте!». Спасли, вывезли все картины. Устроили выставку, открыли студию.

Саботируют. Но все же дело налаживается. Открыли детские сады для рабочих ребят, курсы—для рабочих. Народный университет. Немного их, но все же кое-кто работает энергично, усердно, умело. Созвали учительский с'езд. Их сотни. Со всей губернии. Они с'ехались. Они ждут. Они готовятся. Это бесспорно. Взад и вперед снуют эс-эры, меньшевики. Шепчутся. О чем-то сговариваются. Что-то пишут. Нас встретили свистом, смехом, шиканьем. Я смотрю на них вдоль залитой солнцем залы. Их сотни. Почти в самом конце ее, полуприкрытый другими, сидит стройный, красивый юноша. Я знаю его хорошо. Мы одновременно учились. Теперь он учитель. Он подымает руки. Знакомый гимназический жест. Он кладет в рот четыре пальца. И громкий пронзительный, свист оглашает залу. Он сливается, он покрывает свист и шиканье других. Это первая встреча. Это приветствие первой пролетарской власти со стороны учительства. Неизбежное.

И все же мы победили. И все же у нас большинство. Я еду в Москву. Там первая областная конференция. Со мной ряд делегатов. В том же вагоне ряд возвращающихся со с'езда учителей и учительниц. Вот сидит передо мной старая, старая из Егорьевска. Разговариваем. Она за религию. Она за закон божий. Она знает хорошо, верно знает, что есть бог. «И вы верите,—убеждает она меня,—хорошо жили, богато жили, а вот ушли, невмоготу видно стало для себя только жить. Вот и ушли и для других делаете—знаю не для себя, видимо бог-то в душе есть, не потухла еще искорка, молод еще, а вспыхнет, вспыхнет под старость огонек, придешь к богу, знаю, придешь». Словно монашка, старая,

дряхлая, в старом умирающем монастыре. И это учитель советской трудовой школы. И это 1918 год.

Москва. Волхонка. Старое здание округа. Теперь здесь первый областной с'езд. Нас немного. Но какое разнообразие мнений! Как мало подготовленных. Как мало тех, кто знает, что надо делать завтра. Линии, линии нет. Я говорю о трудовой школе. Ее тип мне рисуется близким к типу Дьюи. А здесь много лаевцев, много сторонников иллюстративной школы. Еще больше совсем не ориентированных. И, сидя в кресле президиума, я ловлю себя на странной мысли: «Годы студенчества не пропали даром. Надо использовать все, что получил».

А вечером, уходя с собрания, я рассказывал товарищам о городской думе и о борьбе за трудовую школу там. Мне вспомнились все перипетии, все детали борьбы. Не иллюстративная школа, не школа Лая, а трудовая. Это так ясно.

Большая, вся залитая солнцем комната—внешкольный отдел. Впервые вижу Н. К. Крупскую. Я говорю с ней первый раз. Я рассказываю ей о работе, о том, что мы открыли в Рязани университет, детский сад, расширили библиотеку, мы сохранили, спасли, вывезли из горящих усадеб бесценные коллекции, открыли для рабочих курсы. Я горю. А она спокойна и ласкова. Мне это резко, раз навсегда, врезалось в память. Она предлагает все это написать, все это важно и ценно. Это бесспорные достижения.

А разговор перешел уже на другое. Мы заспорили о трудовой школе. Н. К. почему-то говорила о книге Фрей «Сельские гимназии». А я рассказывал о только-что закончившемся совещании. И о том, что нет линии, что в умах царит еще лаевщина, что не иллюстративную нам надо школу, а трудовую, что перестраивать нам надо мир. И вновь я говорил о Дьюи. Она мягко сказала, что о школе писал Маркс. Маркс? Я этого еще не знал.

Беседа кончилась. Она попросила меня остаться и написать. Мне дали бумагу, чернила. Н. К. ушла. Но я так и не написал. Мне казалось тогда, что это так мало, что это еще недостойно Октября. Он грандиозен. А я мечтал выполнить грандиозный план. Десятки курсов, сотни школ, сотни детских садов. А здесь один детский сад, правда, первый, единственный, но один.

И я уехал в Рязань.

Опять та же работа. Нет ни денег, ни людей. И все же работа растет, разворачивается. Мы подтягиваем к делу профсоюзы, комиссариаты труда, земотдельские органы и вместе с ними не строим, а печем курсы, школы. Мы издаем даже в местной типографии учебники. Старые не годны, новых нет. Когда-то о них позаботится центр. И мы издаем.

Нет зданий, но есть разграбленные усадьбы. И в них открываем мы крестьянские школы, а залы отдаем театральным кружкам.

Недоверчиво относятся к этому крестьяне, вернее бы разобрать по домам сельскохозяйственный инвентарь. Кто знает, что будет через

неделю, месяц. Еще менее охотно в эти имения едут учителя. Но дело сдвинуто. И пойдет.

Москва. Июнь. Опять это старое, большое здание. Лицей. В нем когда-то был Катков. В нем когда-то воспитывались дворянские сыночки. Теперь это Народный комиссариат по просвещению.

Сочная, мягкая трава. Прекрасные большие деревья. Жарко. Все на траве. Посредине П. Н. Лепешинский, большой, красивый, седой старик, вокруг него молодые, веселые лица. Что это? Школа? Нет. Это заседание отдела реформы школы. Мысль бьется, кипит. Здесь спорят о программах, методах, думают о книгах, новых, нужных детям книгах. Программы пишутся. Пишутся методические записки и книжечки. Но больше всего думают об основном. Еще не написано положение об единой трудовой школе. Еще не вырешен этот вопрос. Директива дана. Дана Владимиром Ильичом и Надеждой Константиновной. И мы роемся в Марксе, читаем, пишем, спорим, вновь пишем. В. М. [1] Познер, П. Н. Лепешинский и я. Мы собираемся в саду, в домике на дворе, где живет В. М. [1], в кабинете А. В. [2]. Мы разбились на ряд комиссий. По самоуправлению: в нее вошел Н. А. Полянский, Балкашина и я. Потемкин, М. П., с кем-то уже не помню, пишет последнюю часть положения; основную—мы трое. Это подкомиссии. На заседаниях комиссий председательствует М. Н. [3]. Он вносит ряд поправок. Он, кажется, самый правый среди нас. Спорим. Но спорим не только внутри. У нас идет большущий спор с петроградцами. А. В. нет, он там, в Ленинграде. Мы ставим наш проект на обсуждение. Телеграмма. «Приеду, привезу проект Петрограда. Отложите обсуждение». Так несколько раз.

Все в сборе. Материалы розданы. Заседание открыто. А. В. характеризует разногласия.

— Петроградская комиссия,—говорит он,—ставит вопрос, как с е й ч а с же все школы Советской республики перевести на ту степень, которая в общих чертах рисуется декларацией. Московская комиссия идет д а л ь ш е, она дает более революционный план, трудно осуществимый в жизни, взрывая тот мост, который должен быть переброшен между тысячами старых школ и нашим радикальным проектом.

Второе разногласие состоит в следующем: несмотря на то, что труду отводится большое значение в обеих декларациях, тем не менее петроградская комиссия упрекает московскую в том, что она приносит школу как воспитательный институт в жертву школе-коммуне, а московские ставят на вид петроградским то, что они слишком верны духу школы как таковой.

Одни выдвигают на первое место п р о и з в о д и т е л ь н ы й труд, другие—труд вообще и главным образом останавливаются на его педагогическом значении.

И споры разгораются с новой силой, с новой яркостью, страстностью.

---

[1]) Виктор Маркович.
[2]) Анатолий Васильевич Луначарский.
[3]) Михаил Николаевич Покровский.

— Во-первых, необходимо указать,—говорит Альтер,—на ту нерешительность и слабость, с которой говорится в петроградской декларации о производительном труде. Если здесь упоминается о важности труда, то только труда вообще, но не производительного. Нет впечатления, что производительный труд является той основой школы, вокруг которой строится вся программа и все воспитание. Не продумана до конца воспитательная роль именно производительного труда, необходимость приучения к уважению всякого производительного труда, н е т о л ь к о н а б л ю д е н и е з а е г о п р о ц е с с о м, но и непосредственное участие, физическое осознание труда, наконец, социальное значение, когда ребенок чувствует себя творцом действительно общеполезных, а не игрушечных ценностей, участвующим в совместной организации творческой работы коллектива.

Петроградцы нападают на мысль о том, что школа должна быть школой-коммуной, что-то замкнутое, анархическое видят они в этом, им кажется, что москвичи слишком большое внимание уделяют труду, в частности ремеслу, и они язвят:

— Зачем тратить золотое детство на то, чтобы потом очень долго и плохо с большой затратой энергии шить себе белье и сапоги.

— Труд, конечно,—основа человеческой жизни, но в этом труде ребенок п р е ж д е в с е г о должен развить свой мозг, познакомиться с рядом научных дисциплин.

Московичи возражают.

— Преимущество московского проекта,—говорит Шапиро,—в том, что он рассматривает трудовые процессы как живое и непосредственное участие в разрешении задач самой жизни школы, с одной стороны, и жизни общественной—с другой; для Петрограда они имеют самодовлеющее значение только как способ изучения тех приемов, в силу чего ими как раз и не разрешается та самая педагогическая задача, о которой они говорили.

Московская комиссия трактует производительный труд как сотрудничество с рабочей средой, вводит тем самым детей на общественную арену, давая им ту реальную школу жизни, о которой ни слова не говорится в Петроградской декларации.

Недочеты московского проекта подчеркивает Н. К. [1]):

— На II ступени центр производительного труда должен лежать уже в н е школы, чтобы не получилось действительно замкнутой коммуны. Дети получают жизненный опыт, знакомятся, как поставлен труд на фабрике, в земледелии, быту, но и этот общественный труд надо тоже уметь систематизировать и связать с обучением. В этом отношении петроградская декларация имеет преимущество, в ней не заброшена педагогическая сторона дела.

Это совершенно верно. Эта сторона связи между трудом и знаниями у нас была разработана плохо. Но разве она разработана хорошо сейчас? Мы требовали тогда друг от друга больше, чем могли дать. Так во всем.

Спор кончился. Положение принято и создан был 12-й вариант. Он спорит с декларацией.

[1]) Надежда Константиновна Крупская.

Его понесли на обсуждение с'езда московские товарищи.

А вот и с'езд. Громадное прекрасное здание высших женских курсов бурлит. Много делегатов. И здесь снова спор. Спор в комиссии. Сговорились. Но напряжение не рассеивается. Оно растет. Оно достигает предела, когда на кафедре появляется Владимир Ильич. Он прост. Его речь ясна. На фоне происходящих событий рассматривает он работу школы. Они, именно они диктуют ей задачи и цели. Ему устраивают овацию. Это 28-го в обед, а 30-го вечер, концерт. Шумит сцена. Но нет В. И. и уже вползли слухи. Сковывающие. Леденящие, *ранен... при смерти Владимир Ильич.* И все же кто-то поет, и все же кричит музыка. Зачем? И все же мы должны сидеть. Слушать.

Назавтра я прихожу первым. Нет никого. Зала пуста. Идут делегаты. Шуршат газеты. Читают.

В. Шульгин

ПЕРВЫЕ ШАГИ НАРКОМПРОСА.

Последние недели перед Октябрем работа небольшого числа партийцев просвещенцев шла главным образом внутри партийных организаций. И это понятно. Слишком ответственный был момент, слишком больших сил и напряжения он требовал, и нельзя и немыслимо было отдавать все свое время школе, где попрежнему по старым программам производилась работа, где попрежнему не было ученических организаций, где попрежнему вся работа была оторвана от бурной действительности.

Те слабые попытки реорганизации школы, которые намечались в период Февральской революции в Государственном комитете, оставались еще в тайниках канцелярий и до массового учительства действенно дошло разве постановление об уничтожении буквы ять и о некотором упрощении правописания.

Учительство вновь сорганизовалось во Всероссийский учительский союз, но нам, помнившим работу учительских союзов времени первой революции, скоро стало ясно, что учительство, растеряв своих лучших представителей в период реакции, в общей массе сильно поправело после бурного пятого года и настроено в лучшем случае реформистски.

Та часть питерского учительства, которая была об'единена в корпорацию городских учащих, корпорацию, продержавшуюся вплоть до Февральской революции, оказалась более активна и выработала целый ряд предложений, уравнивавших положение учащих начальных школ с более привилегированными слоями городского учительства, а также формы участия в самом управлении городскими школами путем вхождения в комиссию по народному бразованию представителей от учащих.

Но в политическом отношении городские учителя были еще ниже, чем работники средней школы, во всяком случае чем работники частной средней школы. Если у последних царили либеральные тенденции и пред-

ставительство к.-д.[1]) являлось для них наиболее желательным, то для массы городского учительства и либерализм был слишком приятным кушаньем.

Для характеристики настроений приведу несколько фактов.

В первые недели после Февральской революции было созвано огромное собрание питерских городских учащих в помещении школы на Обводном канале. Не помню теперь точно, что было основной темой собрания: выборы ли в Питерский совет, или доклад избранного представителя о работе Питерского совета. Может быть, еще что-либо иное. Но с полной ясностью встает передо мной, как во время заседаниия сообщают о приезде Ленина из-за границы в запломбированном вагоне. Поднимаются крики, сыплются ругательства, никакие резоны не принимаются во внимание, никакие речи не дослушиваются до конца. Учителей-большевиков всего 5—6 человек и небольшая группа сочувствующих. Об'единенными усилиями выдвигаем ряд злободневных вопросов, чтобы не дать поставить на голосование черносотенную резолюцию, внесенную в президиум. Но правые элементы решают во что бы то ни стало «заклеймить» Ленина и не уходят с собрания до 12 ч. ночи, чтобы принять резолюцию порицания.

Правда, и нам удается провести резолюцию меньшинства, горячо приветствующую бесстрашного революционного вождя, и напечатать ее в газете, но тем не менее надо признать, что настроение собрания было явно против такой резолюции.

Другой случай. Огромное собрание ВУС'а в Морском корпусе. Присутствует до тысячи учащих. Произносятся речи о необходимости дальнейшего участия в империалистской бойне. Я выступаю от нашей небольшой фракции с речью на тему—долой войну, закрепляющую власть эксплоататоров, долой войну, рвущую международное единство пролетариата.

Тот же крик, топот был ответом на мой призыв. Но из числа учителей-солдат отделяется один из сочувствующих, чтобы на глазах у беснующихся пожать мне руку.

Завоевание учительства шло единицами и значительно позже Октябрьской революции приняло массовый характер.

При таком настроении питерского учительства Наркомпрос, выдвинутый Октябрьской революцией, остался без армии.

Вспоминаются первые недели работы Наркомпроса. Работают члены коллегии НКП, несколько учителей и учительниц большевиков, затем несколько человек различных профессий и степени подготовки; принят в первые же дни существования Наркомпроса и полный штат сторожей, не принявших участия в забастовке министерских чиновников.

Большой зал с белыми колоннами, примыкающий к кабинету наркома, совершенно пуст. Изредка появляются просители и то чаще не по просвещенским делам. Приезжего из провинции встречают с восторгом и слушают с неослабевающим интересом рассказ о том, как была завоевана власть на местах и каковы были первые шаги в области просвещения.

[1]) Партии конституционных демократов.

За учительством, не принявшим Октябрьской революции, пошли и ученики старших классов гимназий и реальных училищ.

На ряду с ежедневной работой перед Наркомпросом встал безотлагательный вопрос о завоевании учительства. Коллегия совершенно правильно учитывала, что фронда учительства—явление кратковременное. Самый состав низового учительства—выходцы из городской и сельской бедноты—говорил за то, что происходит преднамеренное затемнение верхушками союза задач и самого происхождения октябрьской власти. Надо пробудить сознание, и массовое учительство увидит, что ему не по пути с верхушкой ВУС'а, защищающей кадетское миросозерцание и уклад жизни.

То же и с учащимися.

А потому неотложной задачей стоит вопрос об отколе от ВУС'а и от массы учащихся колеблющихся элементов, не отдающих еще себе отчета в том, что пролетарская диктатура—единственная власть в мире, действительно обеспечивающая интересы широчайших слоев, а в смысле просвещения организующая его в первую очередь для рабочих и крестьян.

Все члены коллегии Наркомпроса, начиная с А. В. Луначарского, неоднократно выступали с речами, рисующими цели и задачи просвещения при диктатуре пролетариата. Мало-по-малу в Наркомпрос потянулись отдельные учителя и учительницы, желавшие в личной беседе с наркомом или с кем-либо из членов коллегии выяснить себе действительные устремления комиссариата, а также общие задачи и перспективы Октябрьской революции.

Таким образом была пробита брешь, и коллегия Наркомпроса сочла необходимым помочь сорганизоваться учителям, отходившим от платформы ВУС'а. В Наркомпросе было созвано собрание, положившее начало союзу учителей-интернационалистов. Это был союз чисто-политический, далеко не оформивший своих профессиональных взглядов, нужд и интересов. Вполне естественно, что через несколько месяцев, когда он сыграл свою роль, ВЦСПС поднял вопрос о его платформе и настоял на принятии устава, общего для всех профессиональных союзов.

Таким образом в 19 году из союза учителей-интернационалистов вырос союз работников просвещения и социалистической культуры, привлекший в свои ряды учительские массы.

Но в первые дни после Октябрьской революции необходимо было сорганизовать крепко сплоченное ядро с ярко выраженным политическим устремлением, чтобы противопоставить его пережившему себя ВУС'у.

Союз учителей, интернационалистов дал Наркомпросу недостающих работников, и машина завертелась быстрее.

В то же время шло завоевание учащихся, и вокруг Наркомпроса выросло два ученических союза — Осуз [1]) и Супротруш [2]). Первый об'единял учащихся средней школы, главным образом старших классов; он быстро захватил в свои руки дела учащихся средней школы, но оказался недобро-

[1]) Общества средних учебных заведений.
[2]) Союз учащихся пролетарской трудовой школы.

качественным и по составу и по диктаторским замашкам и вскоре был распущен.

Другой об'единял учеников пролетарских трудовых школ, главным образом городских. По составу—это городская беднота. Работа союза шла успешно и много помогла Наркомпросу в смысле завоевания молодежи. Но через несколько месяцев, когда жизнь начала входить в берега и потребовались четкость и ясность организационных форм, лучшая часть Супротруша растворилась в комсомоле, который завоевал себе право быть единственным представителем революционной рабочей и крестьянской молодежи. Это произошло не без внутренних трений и сожаления об утраченной полуюношеской-полудетской организации. Но когда в последующие годы комсомол поставил себе целью охватить следующие за ним возрасты пионерской организацией, исчезли всякие причины для сожаления о сыгравшей свою роль ученической организации.

Какова же была самая форма работы Наркомпроса в ленинградский период его существования?

Я не буду говорить в своем кратком очерке о самом содержании работы, так как этот вопрос должен быть представлен в других статьях. Мне хочется познакомить нового читателя с тем, как работал Наркомпрос на другой день после завоевания власти.

Когда я начинаю вспоминать об этом периоде работы, мне всегда представляется большой белый кабинет с расписным потолком, огромный письменный стол, а вокруг глубокие красные бархатные кресла. Все места уже заняты, но заседание коллегии, или, как она называлась тогда, Государственнй комиссии по просвещению, еще не начинается. В некотором отдалении за небольшим столиком заканчивается разговор с представителями учащих, пришедших поговорить о новых принципах построения школы. Каждую минуту приоткрывается дверь, чтобы пропустить кого-либо из сотрудников, а то и кого-нибудь из работников просвещения, пришедших на заседание Государственной комиссии с каким-нибудь вопросом или предложением, а то просто для ознакомления, как на деле работает тот аппарат, который призван направлять дело просвещения в стране. Члены Государственной комиссии не чувствуют стеснения от этой работы «на людях». Обсуждается какой-либо вопрос. Высказываются не только члены коллегии, но и рядовые сотрудники. Нередко берет слово и кто-нибудь из «гостей». От такта и искусства председателя зависит не превращать заседания в митинг, заканчивать затянувшиеся прения. В то же время высказывания присутствующих дают возможность намечать новых работников, недостаток которых все еще ощущается в Наркомпросе.

Нередко во время заседания раздаются смех, шутки. Какое-то светлое настроение царит среди работников. Каждому представляется, что он не только рядовой исполнитель чужой воли, но и участник коллективного выяснения вопросов просвещения. Отсюда бодрое, приподнятое настроение среди работников Наркомпроса, забывающих холод и голод за широкими перспективами дела.

К сожалению, от этих заседаний Государственной комиссии, заложивших первые основы революции в деле народного просвещения, почти не осталось следа. Не было времени следить за протоколами комиссии, и когда через некотороое время понадобилось навести справки по протоколу, мы увидели, что это не запись того, что говорилось на заседаниях, а какое-то искаженное отображение.

Общение с широкими просвещенскими массами не ограничивалось стенами Наркомпроса. Кроме выступлений в исполкоме, в районах в течение некоторого времени происходили еженедельные отчеты Наркомпроса в цирке «Модерн». Темноватое, неуютное помещение набивалось слушателями до отказа. После доклада наркома задавались вопросы, летели записки, выступали в качестве ораторов не только просвещенцы, но и рабочие, интересующиеся постановкой дела просвещения. Каждое меткое слово, верное замечание заносились на бумагу, чтобы найти свое отражение в дальнейшем строительстве.

Ровно через год сотрудники Наркомпроса (в это время уже Ленинградского отдела народного образования, или, как его чаще называли, Компроса) собрались в кабинете А. В. Луначарского, чтобы отпраздновать годовщину Октябрьской революции. Говорились речи, вспоминали пережитый год, строили планы будущего. Среди присутствующих бодрое, веселое настроение. Встретились настоящие товарищи по работе, вместе строящие великое дело.

Тревожный звонок из исполкома, вызывают А. В. в Смольный. Он обещал вернуться. В его отсутствие говорят об общем положении Советской республики, строят различные предположения. Через час возвращается А. В. и сообщает о тех известиях, которые получены Ленинградским советом. Начинается революция в Германии. Мы больше не одни.

Л. Менжинская.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Октябрьская революция и просвещение.

Н. Крупская. Ленин о просвещении и народном учителе 3
А. Луначарский. Как мы заняли министерство народного просвещения . . . 5
П. Лепешинский. На заре советского просвещения 9
В. Познер. С'езд учителей-интернационалистов 16
В. Шульгин. Как мы начинали работать. 24
Л. Менжинская. Первые шаги Наркомпроса 28

Наши достижения.

Н. Крупская. Пройденный путь. 33
Ф. Кипарисов. Всесоюзный учительский с'езд 36
Н. Крупская. Роль учительницы в раскрепощении работниц и крестьянок . 40
М. Пистрак. Школа на под'еме. 42
В. Шульгин. Достижения и перспективы. 47
В. Шульгин. Советы учат. 53
М. Виленская. Дошкольное воспитание и Октябрь 59
Н. Нечаев. Школа фабрично-заводского ученичества. 75
И. Огородников. Десять лет 84

Педагогическая печать до и после Октября.

В. Петрова. Журнал министерства народного просвещения. 94
А. Иоанисиани. Дореволюционные педагогические журналы 98
Ф. Кипарисов. Советская педагогическая книга и просвещенская печать за 10 лет 102

Заграничная печать о советской школе.

С. Марголина. Немецкие учителя о педагогической жизни СССР 108
М. Соболев. Французские учителя о советской школе. 115